

Анастасия Вознесенская

Крик чайки
роман

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-311.2(02.055.2)

ББК 84(2Рос-Рус)

В64

Вознесенская, А.

В64 Крик чайки / А. Вознесенская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 400 с.

ISBN 978-5-517-13224-6

Злость за сиротство перекрывается любопытством и надеждой. Александра Чайкина, молодая переводчица с турецкого узнает об отце из неотправленного письма бабушки. Девушка решает разыскать его и едет в Стамбул, еще не зная, что встретит там тайны, пострашнее ее собственной. Теперь девушке придётся столкнуться с испытаниями, исходящими от его жены и дочери. Сможет ли Александра это выдержать и что будет двигать ей дальше: надежда на обретение семьи или месть обидчикам?

BIC FR

BISAC FIC027000

ISBN 978-5-517-13224-6

© Анастасия Вознесенская, текст, 2025

© Кристина Домасевич, обложка, 2025

© RUGRAM, 2025

*Белокрылая чайка истошно кричала,
И бесщадно рыбак её пулей убил.
Но каждый раз вдали от причала
Себя он за это с лихвою корил.*

*Вспенилось море, стеной встали волны,
Со стихией трудно совладать!
Только в волнении люди покорны.
Начинаем всю вину сознавать...*

*Человек одинокий грёб и молился.
Хотел он скорее вернуться домой.
Но дождь обжигающий лился и лился,
Не суля бедолаге мир и покой.*

*О чём же кричала ты, белая чайка?
О том ли, что гибель нас ждёт?
Кто ж мог подумать, что та негодяйка
Людской жизни плот бережёт.*

*Опустилось перо на гнилую байдарку.
Гулявший на море шторм вскоре стих.
Счастлив рыбак был такому подарку
И умысел тайный и мудрый постиг.*

*Снова кричали и плакали чайки...
«Им там виднее, так пусть.
Чёрного моря они хозяйки,
Унесут наши беды и грусть!»*

Глава 1

Под толщей тёмно-фиолетового небесного покрывала суетливо парили птицы. Они предчувствовали стихийное бедствие, ураган разрушительной силы, после которого ничто не будет так, как прежде. Молния, распугав людей с пляжа, играла искрами. Надвигался циклон, и планы на босую прогулку по мокрому песку были отложены на неопределённый срок. Теперь Александра всё чаще обращала свой взор наверх, потому как на земле не осталось никого, кто бы мог дать ей ответ, подсказку, напутствие...

«С высоты птичьего полёта всё кажется другим, — рассуждала она, — мир кажется большим пончиком с разноцветной кондитерской посыпкой, где хватит места для каждого. Но стоит только заземлиться, сразу он обретает другие краски. Люди, ставшие соседями по земному шару, разбредаются в разные стороны и шарахаются друг от друга, словно от чумных».

Девушка с тёмно-русыми волосами опустила свои длинные ресницы, подставляя влажному ветру лицо. В то же мгновение пред ней предстал ужаснейший из всех дней её юной, но уже выгоревшей изнутри жизни, ещё непознанной, но уже несправедливой...

Однако до шести лет её жизнь была похожа на сказку. Пусть у неё не было отца-короля, под ласковым взором которого она росла бы настоящей принцессой, но у неё была мама, которая ничуть не уступала королеве Марии Кристине Савойской, провозглашённой святой. В скромную девушку Ольгу влюблялись все без исключения. Манера её поведения вовсе не была вызывающей, но все мужчины обращали на неё внимание, когда она только входила

Крик чайки

куда-то. Стройная талия в облегающем чёрном платье до колен, чёрные невычурные туфли, вьющиеся чёрные волосы, собранные в низкий хвост, перевязанные лентой, и изумрудные глаза в оправе длинных чёрных ресниц. А также по наследству ей передался непревзойдённый утончённый вкус. Её могло уже не быть в поле зрения, а сладковатые ароматы оставляли пленяющий шлейф. У неё была целая коллекция парфюма. Самым её любимым был восточный аромат с нотками мускуса, сандала и амбры. В детстве Александра украдкой брызгалась мамиными духами с головы до ног, а потом не знала, куда спрятаться, — аромат стоял повсеместно! Мама не ругалась. Глядя дочь по голове, она говорила, что обязательно купит ещё, ведь они нравятся им обоим. Своими невидимыми пуховыми крыльями укрывала она дочь от бесщадных ветров и ненастий, а нежная натура учила с пелёнок Александру быть доброй и всепрощающей. Но, кажется, озорная девчушка пропустила все скучные для ребёнка речи мимо ушей и впоследствии помнила только о берегущих её крыльях матери, всегда, пусть и с риском, отстаивала тех, кто слабее, и искала управу на стервятников, на тех, кто мнил себя солипсистом.

Часто, пусть и без излишней скромности, Александра озвучивала свои мысли прямо, не обволакивая их в плёнку нежностей и сентиментальности. Её разум работал, как действуют пожарные, — незамедлительно. Мама Александры, экскурсовод, постоянно твердила ей: «Твоя импульсивность может сыграть злую шутку с тобой», но бабушка так не считала: «Оставь её, Ольга, — говорила она. — Быть может, именно эта черта и отличает её от остальных!» Но мама была категорична в этом вопросе. Её саму воспитывали без запретов, но и без вседозволенности. В строгости, но в атмосфере глубокой любви.

Экскурсии, проводившиеся Ольгой Чайкиной, всегда были неповторимы, пусть это был один и тот же маршрут. Но в один из дней женщина почувствовала что-то неладное и поспешила

вывести людей из скалистого ущелья, однако сама выбраться так и не успела. Ущелье завалило. Когда прибыли спасатели, было уже поздно: бедную женщину придавило. О девочке-сироте позаботился отец её подруги. Он-то и забрал Александру, оставшуюся одну, к себе. Разношёрстные характеры, несовпадающие интересы и трёхлетняя разница в возрасте со взрослением стёрлись, и всегда жившие плечом к плечу девочки стали неразлучны, как сёстры. Вдоволь не насладившись всеми прелестями детской беззаботной жизни, Александра защищала Стефанию даже от неосторожного дуновения ветра.

— Чайка! Намечается гроза, не пора ли домой? — вскрикнула появившаяся на балконе Стефания, боязливо взглянув на небо.

«Чайка!» — вот что было всегда у всех на слуху. Вынужденно Чайка может встряхнуться и стать очень язвительной, несмотря на внешнее белое оперение.

Стефании хорошо было известно, что Александра всей душой обожала дождь. Лужи. И море. Пожалуй, единственное, что она не любила, — так это плакать. Считала, что слёзы — слабость, и никогда не показывала их на людях.

— Ещё чуть-чуть — и хлынет ливень! — настаивала девушка, озираясь по сторонам в ожидании гнева природы. — Идём же в дом!

Александра с нежностью взглянула на порозовевшие от волнения щёчки Стефании и ностальгически улыбнулась. Её характер всегда был непростым, и порой Стефании приходилось краснеть за её слова и выходки. Если маленькая Александра увидит яблоки в чьём-то саду и захочет их, то непременно перелезет через забор, напихает плоды по всем карманам, а после будет предлагать всем — и Стефании в первую очередь.

«Что тут такого-то? — откусывая яблоко, недоумевающе пожимала плечами та. — Люди не обеднеют от нескольких яблок. Проблема, если у них бедная душа».

Крик чайки

— Ладно. Но можно же и попросить... — стыдливо оглядывалась Стефания.

— Да-да, а потом вся твоя жизнь будет соткана из просьб и чувства вины. Если рядом с тобой человек, которого нужно будет постоянно о чём-то просить: чтобы согрел тебя, когда холодно, чтобы поддержал тебя, когда плохо, чтобы поделился яблоком, в конце концов, — не омрачится ли твоя жизнь?

Стефания не спорила, поскольку знала, что это бесполезно, да и отчасти её подруга была права.

С уже расколотых огненной полосой небес полилась вода. Раскатистым эхом зловеще разразился гром. Александра, приобняв подругу, вынужденно покинула своё «место свободы и силы». Именно так она называла балкон дома, откуда открывались роскошные и живописные места Крымского полуострова: горы, старинные виноградники и, конечно, море.

Село Малый Маяк помнит их в младенчестве и в отрочестве. В школьные годы подруги вместе ходили в единственную в селе школу, где преподавала бабушка Александры. Но, к большому сожалению, её они там уже не застали...

— Давай, выпей чаю, — сказала Стефания, приглашая к столу продрогшую подругу.

— Малиновый, — улыбнулась Александра, опустившись на стул, — всё, как я люблю! Учёба скоро кончится, и мы сможем вдоволь отдохнуть здесь, в месте, где прошло наше с тобой детство!..

Дом, в котором она поселилась ещё в детстве, был для неё лучшим местом на земле. С невысокими потолками, до которых она любила доставать, прыгая на пружинистой кровати, и краном в ванной, что часто не подавал горячую воду.

Боль от обиды, затаившаяся у Александры с раннего возраста, время от времени напоминала о себе. Она не понимала, как отец ни разу так и не захотел увидеть своего собственного

ребёнка, познакомиться с ним. Человек наверняка даже не знает, кто у него родился. А Стефания, прекрасный распутившийся цветок, девушка двадцати лет, бесконечно любила своего отца, но и безмерно скучала по матери. Оставив двух девочек на попечение мужа, та беспечно ушла из дома, наспех нацарапав записку. В ней говорилось, что она искренне просит прощения, но жить так больше не может. А также просила не предпринимать никаких попыток разыскать её. Александра иногда не выдерживала:

— Она даже не заслуживает того, чтобы о ней думали. Не смей. Моя мама была и твоей, и она умерла. А других и не надо.

За свои двадцать три года Александра видела, кажется, всё. Женщину, живущую в их доме до определённого времени, она считала своей тётёй, потому как та много ночей провела под их крышей, прячась от побоев мужа, имеющего большие проблемы с алкогольной зависимостью. Когда цирроз разъел печень безжалостного пьяницы, женщина облегчённо вздохнула и вернулась в свой дом, а маленькая Александра всё чаще грустила из-за переезда тёти. Лишь в четырнадцать девочка узнала, что она просто-напросто сбегала от своего мужа, прячась у них.

«Почему радуга появляется в невесомости? Потому что всё прекрасное на земле люди превращают в пороки», — так закончила своё вступительное сочинение по русскому языку Александра. Через два дня она узнала, что её приняли в институт. В общестии при вузе, где девушки оставались, над изголовьем кровати Александры висели вырезки из журналов путешествий, буклеты с горящими путёвками, на которых красовались красочные пейзажи Кипра, Турции и Таиланда.

Стефания считала, что подруга недооценивает себя. К примеру, перевод последних новостей в Турции — вещь, которая получалась у неё лучше всего. Так Стефания и её отец первыми узнавали, когда случались какие-либо происшествия. «Бедные

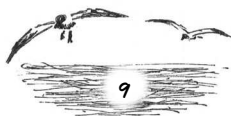

Крик чайки

люди Турции снова страдают от землетрясений...», «В Анталии впервые за двадцать девять лет выпал снег!», «Метеорологи называют такие снегопады “осадками стихийного бедствия”». Но люди, которые круглый год не видят снега, по-моему, просто обязаны отложить свои дела на несколько дней и полюбоваться морозной сладкой ватой!» — заключала она. Также девушка неплохо готовила и дралась. Однажды на глазах Стефании пятилетняя Александра подралась с мальчишкой, что запрятал её игрушки в пирамиде песка, а в шестнадцать она сломала четыре пальца на руке парню, который приставал к Стефании. Конечно, бокс не был призванием Александры. И Чайке было невдомёк, где она взяла эти мужские силы. Шутя, она говорила, что и сама не понимает, как уродилась такой, — сочетающей в себе крайности. На своё совершеннолетие Александра набила маленькую чайку на руке. Казалось бы, ещё чуть-чуть — и она взмлет высоко в небеса...

— Сегодня мы с папой поедem в планетарий. Мы так давно не выезжали куда-нибудь вместе... — мечтательно улыбнулась Стефания и подсела на кровать рядом. — Пожалуйста, поедem вместе!

Она говорила об этом так увлечённо, что Александра задумалась: «Интересно, я бы так же сильно любила отца, если бы он был в моей жизни? Мы бы, возможно, тоже вместе отправились в планетарий... Любит ли он смотреть на звёзды? Если нет — тогда лучше на ипподром! А после непременно бы гуляли по городу и ели попкорн. Я бы обязательно подавилась от смеха, потому как он наверняка весёлый человек, а иначе откуда это во мне? Конечно, он где-то есть, быть может, как многие отцы, сейчас читает газету и пьёт чай, а может, гуляет по кабакам и пьёт виски. Возможно, стареет в одиночестве или воспитывает своего или чужого ребёнка... Быть может, он запойный пьяница или вовсе хороший человек, но кем бы он ни был — я его ненавижу, потому что его ни одной минуты не было в моей жизни».

— Давайте, девочки, собирайтесь! — улыбнулся мужчина, рост которого переваливал за метр девяносто, и ему постоянно приходилось пригибать голову, чтобы пройти в дверной проём или не задеть ею люстру в собственном доме.

— Вам желаю здорово провести время, а у меня другие планы, — ответила Александра. — Сегодня я хочу пойти в наш дом. Приберусь немного, выброшу старый хлам, возьму, если что-то осталось, то, что составляет хоть какую-то ценность.

После гибели мамы Александра больше не возвращалась домой. Отец Стефании запер его, и ничья нога уже больше туда не ступала.

— Хочешь, я пойду с тобой? — предложила Стефания, но Александра наотрез отказалась.

Девушка нуждалась в том, чтобы побыть одной. Взяв ключи, она направилась к дому. Старый, заросший и обветшалый, уже слегка покосившийся, он был ей бесконечно дорог, особенно чердак, где она часто проводила время в детстве. Александра, приблизившись к дому, с грустью смотрела, как окна затянулись беспросветной паутиной, а в открытом нараспашку окне на чердаке намывала гостей белошёрстная кошка.

«Теперь ты тут живёшь?!» — улыбаясь, спросила Александра, подняв ладонь ко лбу.

Вместе с подругой они сидели на чердаке, играя допоздна. Начиная с «Разведчиц» — любимой игры Александры — и заканчивая игрой «Дочки-матери», всей душой обожаемой Стефанией.

— Этот негодяй опять потоптал всю малину! — как-то разгневанно воскликнула Александра, и на следующий день вооружилась проросшей картошкой, прежде чем подняться на чердак, дабы проучить соседского бездельника.

По ночам девочки заворожённо смотрели на звёзды. И каждый раз, когда Александре становилось одиноко, она спускалась к озеру и усаживаясь под кроной дуба, переживала боль внутри

